

КРИМИНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

ИСЧЕЗНУВШИЙ МИЛЛИОНЕР

МАРИЯ МАРЦЕВА

Мария Марцева

**Криминальные истории.
Исчезнувший миллионер**

«Автор»

2025

Марцева М.

Криминальные истории. Исчезнувший миллионер /
М. Марцева — «Автор», 2025

Пять захватывающих криминальных расследований от мастера современного детектива Марии Марцевой! В мире, где за фасадом респектабельности скрываются тщательно продуманные преступления, сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с самыми изощренными загадками. От мистического "Последнего мазка", где мольберт художника хранит смертельные секреты, до головокружительной истории "Исчезнувшего миллионера", чье внезапное исчезновение взбудоражило весь город. "Закрытая комната" бросает вызов логике следователей, "Наследство с сюрпризом" раскрывает темные семейные тайны, а "Корпоративная этика" показывает, как деловой мир становится ареной смертельной игры. Каждое дело — интеллектуальный поединок между преступником и следователем, где важна каждая улика. Профессиональное мастерство криминалистов, неожиданные повороты сюжета и мастерски выстроенная интрига делают эти истории увлекательными для всех ценителей качественного детективного жанра. Иллюстрации автора.

© Марцева М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Введение	5
Последний мазок	6
Глава 1: "Кровь на холсте"	7
Глава 2: "Тайна мастерской"	10
Глава 3: "Ложный Репин"	14
Глава 4: "Двойная игра"	19
Глава 5: "Кисть правосудия"	23
Исчезнувший миллионер	27
Глава 1: "Пустой кабинет"	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мария Марцева

Криминальные истории.

Исчезнувший миллионер

Введение

Добро пожаловать в мир современной криминалистики, где за фасадом респектабельности скрываются тщательно продуманные преступления, а каждое дело становится интеллектуальным поединком между преступником и следователем. В новом сборнике Марии Марцевой вас ждут пять захватывающих криминальных расследований, где профессиональное мастерство экспертов сталкивается с изощренными способами совершения преступлений.

От загадочного «Последнего мазка», где художественная мастерская становится местом преступления, до головокружительной истории «Исчезнувшего миллионера», чье внезапное исчезновение взбудоражило весь деловой мир. Классический детективный мотив «Закрытой комнаты» бросает вызов логике следователей, история «Наследство с сюрпризом» раскрывает темные семейные тайны, скрытые за завещаниями, а «Корпоративная этика» показывает, как офисные интриги могут перерасти в смертельную игру.

Каждое расследование – это столкновение современных методов криминалистики с коварством преступников, использующих самые неожиданные способы достижения своих целей. Мария Марцева создает атмосферу напряженной детективной работы, где важна каждая деталь, каждая улика способна изменить ход расследования, а неожиданные развязки заставляют переосмыслить все происходящее.

В этих историях нет места случайностям – только холодная логика, профессиональный подход экспертов-криминалистов и неумолимое стремление к справедливости. Приготовьтесь к встрече с миром, где справедливость восторжествует благодаря кропотливой работе следователей и неумолимой логике профессионального расследования.

Последний мазок

Глава 1: "Кровь на холсте"

Московская галерея "Арт-Центр" встретила майора Анну Морозову непривычной тишиной. Обычно в это время дня здесь царило оживление – посетители рассматривали экспонаты, гиды проводили экскурсии, сотрудники готовились к вечернему вернисажу. Но сегодня просторные залы галереи опустели, а единственными звуками были шаги оперативников и щелчки фотоаппаратов.

"Анна Владимировна, жертва в третьем зале", – доложил старший лейтенант Игорь Крылов, подойдя к руководителю группы. Морозова кивнула и направилась к месту происшествия, автоматически отмечая детали обстановки. Галерея производила впечатление дорогого заведения – мраморные полы, приглушенное освещение, картины в позолоченных рамах. Здесь явно бывали люди с толстыми кошельками.

В третьем зале Морозову встретил знакомый хаос места преступления. Оцепление, криминалисты в белых комбинезонах, вспышки фотоаппаратов. В центре зала, рядом с большим мольбертом, лежало тело мужчины среднего возраста в измазанной краской одежде.

"Сергей Красильников, сорок два года, известный художник", – начал доклад Крылов. "Тело обнаружила сотрудница галереи Ольга Васильева в восемь утра. По ее словам, вчера вечером Красильников остался работать над картиной для сегодняшнего вернисажа. Охранник подтверждает, что художник был в здании до десяти вечера."

Морозова подошла ближе к телу. Красильников лежал на спине, раскинув руки. В правой руке была зажата кисть с засохшей краской. Лицо мужчины выражало удивление – видимо, смерть застала его врасплох. Кровь запеклась на виске и стекла на мраморный пол, образовав темно-красную лужицу.

"Дмитрий Павлович уже здесь?" – спросила Морозова, имея в виду ведущего эксперта-криминалиста Дмитрия Соколова.

"Работает возле мольберта. Говорит, что там что-то странное", – ответил Крылов.

Соколов действительно стоял у картины, вооружившись лупой и фонариком. Высокий, худощавый мужчина с седеющими висками, он обладал почти феноменальной наблюдательностью и способностью замечать детали, которые ускользали от других.

"Что у нас, Дмитрий Павлович?" – обратилась к нему Морозова.

"Интересная картинка получается, Анна Владимировна", – не отрываясь от работы, ответил Соколов. "На первый взгляд все выглядит как несчастный случай. Художник работал, поскользнулся, ударился головой о край мольберта, получил травму, несовместимую с жизнью."

"Но есть нюансы?"

"Есть. Взгляните на картину." Соколов отступил в сторону, давая Морозовой возможность рассмотреть полотно. "Пейзаж. Осенний лес, река, очень реалистично выполнено. Но видите эти мазки в правом нижнем углу?"

Морозова присмотрелась. В углу картины действительно виднелись несколько свежих мазков темно-красной краски, которые выбивались из общей композиции.

"Краска еще не высохла", – продолжал Соколов. "И вот что интересно – анализ покажет точно, но визуально эта красная краска очень напоминает кровь. Консистенция, оттенок... Подозреваю, что это и есть кровь жертвы."

"То есть, кто-то намеренно добавил кровь в картину после смерти художника?"

"Возможно. Но есть еще одна странность." Соколов подошел к телу и указал на руку Красильникова. "Кисть зажата в правой руке. При этом художник был левшой – это видно по расположению палитры и основных мазков на картине. Левша не стал бы держать кисть в правой руке."

Морозова нахмурилась. Детали не складывались в картину несчастного случая. "Елена Сергеевна уже осматривала тело?"

В разговор включилась судмедэксперт Елена Громова – энергичная женщина лет сорока, которая подошла к ним, стягивая латексные перчатки.

"Предварительный осмотр закончила", – сказала она. "Причина смерти – тупая черепно-мозговая травма. Удар пришелся на правый висок. Судя по характеру повреждения, жертва ударилась о тупой предмет с острым краем."

"Край мольберта?" – предположил Крылов.

"Могло быть и так, если бы не одно но", – Громова покачала головой. "Направление удара не соответствует падению. Если бы Красильников поскользнулся и упал, травма была бы другой. А здесь след говорит о том, что удар наносился сверху вниз, под углом примерно сорок пять градусов."

"То есть убийство?"

"Скорее всего. Окончательно скажу после вскрытия, но пока все указывает именно на это."

Морозова медленно обошла место происшествия, восстанавливая возможный ход событий. Художник работал над картиной. К нему кто-то подошел. Произошла ссора или нападение. Красильников получил смертельный удар. Убийца попытался инсценировать несчастный случай – уложил тело, вложил кисть в руку, добавил кровь жертвы в картину, чтобы объяснить ее присутствие на месте.

"Дмитрий Павлович, нужно тщательно исследовать всю галерею", – распорядилась она. "Ищем следы борьбы, отпечатки, любые улики. Особое внимание к системе видеонаблюдения."

"Уже проверили", – вмешался Крылов. "Камер в залах нет – администрация считает, что они портят эстетику. Есть только на входе и в служебных помещениях."

"Записи с камер изымаем. Также нужен полный список всех, кто имел доступ в галерею вчера вечером и сегодня утром. Охранники, уборщицы, сотрудники."

Соколов тем временем продолжал осмотр картины с помощью портативного спектрометра – небольшого прибора, способного определить состав вещества без взятия образцов.

"Анна Владимировна, подтверждаю", – сказал он через несколько минут. "В краске действительно присутствует гемоглобин. Кто-то смешал кровь жертвы с художественной краской."

"Зачем? Чтобы скрыть следы крови на месте происшествия?"

"Не только. Видите, как аккуратно нанесены эти мазки? Это не случайные капли или потеки. Кто-то намеренно дописывал картину кровью Красильникова."

Морозова почувствовала, как по спине пробежал холодок. Убийца не просто замел следы – он создал некий символический акт, дописав картину кровью убитого художника. Это говорило либо о ненависти к жертве, либо о серьезном психическом расстройстве.

К ним подошла молодая женщина в деловом костюме – сотрудница галереи, которая обнаружила тело.

"Ольга Васильева?" – уточнила Морозова.

"Да. Я... я до сих пор не могу прийти в себя", – голос женщины дрожал. "Сергей Анатольевич был таким талантливым... Кому он мог помешать?"

"Расскажите подробнее о вчерашнем вечере. Во сколько вы ушли? Кто еще оставался в галерее?"

"Я уехала около семи. Сергей Анатольевич сказал, что хочет закончить картину к сегодняшнему вернисажу. Ему оставалось совсем немного – несколько завершающих штрихов. Кроме него в здании были только охранники."

"А посетители? Кто-нибудь интересовался работами Красильникова?"

Васильева задумалась. "Вчера днем приходил один коллекционер. Игорь Семенович Новиков. Он очень внимательно рассматривал картины Сергея Анатольевича, задавал много вопросов о технике исполнения."

Морозова и Соколов переглянулись. Первый потенциальный подозреваемый.

"У вас есть контакты этого Новикова?"

"Конечно. Он постоянный клиент галереи, часто покупает картины."

Пока Васильева искала номер телефона в записной книжке, к группе подошел техник-криминалист Алексей Борисов с планшетом в руках.

"Предварительные результаты осмотра", – доложил он. "Следы борьбы отсутствуют. Никаких посторонних отпечатков пальцев, кроме жертвы и сотрудников галереи. Орудие убийства пока не найдено. Предположительно, это был тяжелый предмет с острым краем – может быть, скульптура или тяжелая рамка."

"Что с системой сигнализации?"

"Не отключалась. Значит, убийца либо знал код, либо находился в здании на законных основаниях."

Картина постепенно проясняется, думала Морозова. Убийца – кто-то из близкого круга жертвы или галереи. Человек, который имел доступ к зданию и знал о том, что Красильников остается работать допоздна.

Соколов закончил фотофиксацию улик и подошел к руководителю группы.

"Анна Владимировна, я бы рекомендовал особое внимание уделить экспертизе краски", – сказал он. "Тот, кто дописывал картину кровью, неплохо разбирается в живописи. Мазки нанесены профессионально, с пониманием техники. Это может быть художник, реставратор или искусствовед."

"То есть, круг подозреваемых сужается до людей, связанных с миром искусства?"

"Скорее всего. Обычный человек не стал бы возиться с дописыванием картины – просто убил бы и ушел."

Морозова кивнула. План расследования начинал формироваться в ее голове. Нужно проверить всех, кто имел отношение к Красильникову и галерее. Выяснить, не было ли у художника врагов или долгов. Изучить его последние работы и заказы.

"Громова, когда будет готово заключение вскрытия?"

"К вечеру. Также возьму образцы крови с картины для сравнительного анализа."

"Хорошо. Соколов, нужна полная экспертиза места происшествия. Каждый сантиметр. Борисов, изымаем все картины Красильникова для исследования. Крылов, начинаем опрос сотрудников галереи и охранников."

Морозова еще раз окинула взглядом место преступления. Тело художника, недописанная картина, кровь вместо краски... Убийца явно хотел что-то сказать этой инсценировкой. Но что именно?

"Последний мазок", – тихо произнесла она, глядя на картину. – "Кто-то решил, что Красильников создал свое последнее произведение."

Расследование только начиналось, но Морозова уже чувствовала – это дело будет непростым. За внешней простотой скрывалась сложная история, в которой переплелись искусство, деньги и человеческие страсти. И где-то среди холстов и красок ходил убийца, который считал себя достойным поставить последнюю точку в жизни талантливого человека.

Глава 2: "Тайна мастерской"

Мастерская Сергея Красильникова располагалась в старом доме на Малой Дмитровке, в переулке, где когда-то жили и творили многие московские художники. Анна Морозова поднималась по скрипучей деревянной лестнице на четвертый этаж, мысленно отмечая, что здание явно нуждается в капитальном ремонте. Стены были покрыты облупившейся краской, а окна так давно не мылись, что дневной свет с трудом проникал внутрь.

"Ключи от мастерской взяли у соседки", – доложил старший лейтенант Крылов, останавливаясь возле массивной металлической двери с двумя замками. "Красильников снимал помещение уже пять лет. По словам соседей, вел себя тихо, никого не беспокоил. Работал в основном по вечерам и ночам."

Морозова кивнула и дождалась, пока Крылов откроет замки. Дверь тяжело поддавалась, словно за ней что-то препятствовало открытию. Первое, что бросилось в глаза при входе в мастерскую, – это беспорядок. Но не творческий хаос, характерный для художественных студий, а следы явной борьбы.

Мольберт был опрокинут, тюбики с красками разбросаны по полу, кисти валялись в разных углах. Несколько холстов лежали на полу лицевой стороной вниз. Стул с высокой спинкой перевернут, а рядом с ним темное пятно, которое при ближайшем рассмотрении оказалось засохшей кровью.

"Дмитрий Павлович, начинайте полный осмотр", – распорядилась Морозова. "И вызовите техническую группу. Здесь точно есть что исследовать."

Соколов уже облачился в белый комбинезон и начал методичный обход помещения с фотоаппаратом и увеличительной лупой. Мастерская была довольно просторной – около сорока квадратных метров. Большие окна выходили на север, что идеально подходило для работы художника – северный свет наиболее равномерный и не дает резких теней.

"Анна Владимировна, здесь определенно была драка", – сказал Соколов, присев возле опрокинутого стула. "Видите эти потеки крови? Они идут от стула к двери. Кто-то получил травму здесь, а потом двигался к выходу."

"Красильников пытался убежать?"

"Возможно. Или убийца пытался вынести тело, но передумал." Соколов сделал несколько снимков пятен крови и достал портативный анализатор. "Предварительный анализ покажет, одного ли человека эта кровь."

Пока криминалист работал со следами, Морозова осматривала картины. На стенах висело около десятка полотен – пейзажи, портреты, натюрморты. Все выполнены в реалистической манере, с отличным знанием техники. Красильников действительно был талантливым художником.

Но больше всего ее заинтересовали недописанные работы. Несколько холстов стояли у стены, повернутые лицевой стороной к стене. Морозова осторожно развернула первый из них. На холсте была изображена молодая женщина в белом платье, сидящая у окна. Картина была готова процентов на семьдесят – не хватало лишь мелких деталей и завершающих штрихов.

Второй холст поразил ее еще больше. Это был пейзаж, очень напоминающий работы Левитана – березовая роща, освещенная косыми лучами заходящего солнца. Техника исполнения была безупречной, но что-то в картине смущало. Морозова не могла точно сформулировать, что именно, но интуиция подсказывала – здесь что-то не так.

К ней подошла Елена Петрова – технический эксперт, специализирующийся на компьютерной криминалистике. Невысокая женщина лет тридцати пяти, она обладала удивительной способностью извлекать информацию из любых электронных устройств.

"В углу стоит компьютер", – сказала Петрова. "Довольно мощная машина для художника. Процессор последнего поколения, большой объем оперативной памяти, профессиональная видеокарта. На такой технике обычно работают дизайнеры или те, кто занимается обработкой изображений."

"Интересно. Красильников работал в цифровой живописи?"

"Сейчас проверим." Петрова включила компьютер и начала изучать установленные программы. "Здесь есть Adobe Photoshop, Corel Painter, несколько программ для создания цифровых изображений. Но это не все. Смотрите – программа для анализа картин, база данных произведений искусства, софт для изучения мазков и пигментов."

Морозова нахмурилась. Зачем художнику программы для анализа картин? Если только...

"Елена Сергеевна, проверьте электронную почту и переписку. Особенно обратите внимание на последние несколько месяцев."

Петрова быстро перемещалась по файлам и папкам. Ее пальцы летали по клавиатуре с удивительной скоростью. Через несколько минут она остановилась.

"Анна Владимировна, вот это интересно", – сказала она, указывая на экран. "Папка с названием 'Специальные заказы'. А в ней переписка с неким N.K. Обратите внимание на даты – активная переписка велась последние три месяца."

Морозова прочитала несколько сообщений. Стиль переписки был осторожным, но содержание не оставляло сомнений в том, что речь шла о чем-то незаконном.

"N.K.: Работа должна быть безупречной. Эксперты не должны найти ни малейшего несоответствия."

"С.К.: Понимаю требования. Мой опыт позволяет создать изделие, которое пройдет любую проверку. Но цена остается прежней – 2 миллиона."

"N.K.: Согласен. Половину переведу авансом, остальное после получения результата."

Далее шла техническая переписка о размерах холста, типе красок, особенностях манеры письма. Из контекста становилось ясно, что Красильников взялся создать копию какой-то картины, причем копию настолько качественную, что ее можно было бы выдать за оригинал.

"Елена Сергеевна, нужно восстановить всю переписку с этим N.K.", – сказала Морозова. "Также проверьте банковские операции, если Красильников вел их через интернет."

"Уже работаю над этим", – ответила Петрова, не отрывая глаз от экрана. "А вот еще интересная находка – в папке 'Исследования' множество файлов с изображениями картин Репина. Причем не просто репродукции, а высококачественные снимки с детальным анализом техники письма, состава красок, даже рентгеновские снимки холстов."

В этот момент в мастерскую вошел оперативник Михаил Волков – крепкий мужчина лет сорока, с опытом работы в уголовном розыске. Он специализировался на финансовых расследованиях и мог по банковским операциям восстановить всю картину экономической деятельности человека.

"Анна Владимировна, есть информация о финансовом положении Красильникова", – доложил он. "Картина не радостная. Задолженность по кредитам составляет почти пять миллионов рублей. Квартира заложена в банке, автомобиль арестован за долги. Последние полгода он практически не продавал картины через официальные каналы."

"А неофициальные доходы?"

"Вот тут интересно. Три месяца назад на его счет поступил миллион рублей. Перевод от физического лица, но отследить отправителя пока не удалось – деньги шли через несколько промежуточных счетов."

Морозова задумалась. Картина постепенно проясняется. Красильников оказался в сложном финансовом положении и согласился на изготовление подделки за большие деньги. Получил аванс в миллион рублей и приступил к работе. Но что-то пошло не так.

"Михаил Иванович, нужно выяснить, кто такой этот N.K. из переписки", – сказала она. "Начните с художественных галерей, аукционных домов, частных коллекционеров. Кто-то из них заказал Красильникову подделку."

Соколов тем временем закончил фотофиксацию следов борьбы и перешел к изучению художественных материалов. Он внимательно осматривал кисти, палитры, тюбики с красками.

"Анна Владимировна, здесь использовались очень дорогие материалы", – сказал он. "Кисти из натурального волоса, краски известных европейских производителей. Некоторые пигменты стоят сотни долларов за тюбик. Это не то, что обычно покупает художник, испытывающий финансовые трудности."

"Значит, заказчик оплачивал материалы?"

"Похоже на то. И еще одна деталь – несколько тюбиков совершенно новые, еще не вскрытые. Специальные краски для реставрационных работ. Их используют, когда нужно максимально точно воспроизвести старинные пигменты."

Петрова подняла голову от компьютера. "Восстановила еще несколько писем. Заказчик требовал использовать только те материалы, которые применялись в конце XIX века. Красильников должен был изучить технику Репина, состав его красок, даже тип холста и грунта."

"Репина?" Морозова вспомнила пейзаж, который видела среди недописанных работ. "А какую конкретно картину Репина он должен был скопировать?"

"Сейчас найду..." Петрова полистала файлы. "Вот! 'Березовая роща у реки'. Картина датируется 1879 годом. По словам заказчика, оригинал считается утраченным с 1920-х годов."

Морозова почувствовала, как учащается пульс. Она подошла к недописанному пейзажу и внимательно его изучила. Березовая роща, река, характерная манера письма Репина... Если бы не знала истинного автора, вполне могла бы поверить, что это работа великого мастера.

"И сколько за это полагалось заплатить?"

"Два миллиона рублей за копию. Но в последних письмах Красильников требует повышения гонорара до трех миллионов. Писал, что работа оказалась сложнее, чем он предполагал."

"А заказчик согласился?"

"Наоборот. N.K. отказался доплачивать и требовал сдать работу в согласованные сроки. Последнее письмо от Красильникова датировано позавчера. Он писал, что готов прекратить сотрудничество и вернуть аванс, если условия не будут пересмотрены."

Волков поднял голову от своих записей. "Значит, у заказчика был мотив для убийства. Красильников мог его шантажировать или требовать дополнительные деньги."

"Или угрожал разоблачить всю схему", – добавила Морозова. "Подделка картин – серьезное преступление. Если такую копию продать как оригинал, речь идет о мошенничестве в особо крупном размере."

Соколов закончил предварительный осмотр места и подошел к группе. "По следам крови могу сказать следующее: здесь было как минимум два человека. Один получил травму головы – об этом говорят брызги на стене. Второй, возможно, поранил руку – есть отпечаток окровавленной ладони на дверном косяке."

"Красильников сопротивлялся?"

"Скорее всего. Борьба была недолгой, но интенсивной. Жертва пыталась защищаться – на полу валяется мастихин с подозрительными пятнами. Возможно, Красильников пытался отбиваться этим инструментом."

Петрова вдруг издала возглас удивления. "Анна Владимировна, смотрите что я нашла! В корзине для удаленных файлов лежит письмо, которое Красильников начал писать, но не отправил. Датировано вчерашним днем."

Все собрались возле компьютера. На экране было незаконченное письмо:

"N.K., я больше не могу участвовать в этой схеме. Узнал, что вы планируете продать мою копию как подлинную работу Репина за двадцать миллионов долларов. Это мошенничество

в особо крупном размере. Требую встречи сегодня вечером в мастерской для окончательных расчетов. Иначе я вынужден буду обратиться в полицию..."

Письмо обрывалось на полуслове.

"Значит, Красильников узнал о планах заказчика и попытался выйти из игры", – резюмировала Морозова. "Назначил встречу в мастерской. Заказчик пришел, но не для переговоров, а чтобы заставить молчать."

"Или чтобы забрать копию силой", – предположил Волков. "Если вложил уже миллион рублей, не захочет терять деньги."

Соколов тем временем изучал недописанную копию "Березовой рощи". "Работа выполнена мастерски", – сказал он. "Если бы не знал, что это копия, поверил бы в подлинность. Красильников действительно обладал выдающимся талантом."

"И этот талант его погубил", – мрачно заметила Морозова. "Елена Сергеевна, нужно восстановить всю переписку, включая удаленные файлы. Особенно важно установить личность заказчика."

"Уже работаю над этим. Пока могу сказать, что N.K. использовал анонимную почтовую службу, но у каждого анонимайзера есть слабые места. Дайте мне несколько часов."

Морозова еще раз обошла мастерскую, мысленно восстанавливая картину произошедшего. Красильников работал над копией картины Репина. Получил аванс, но потом узнал, что заказчик планирует мошенничество в особо крупном размере. Попытался выйти из игры, но заказчик не позволил. Произошла драка, в результате которой художник получил смертельную травму.

Убийца забрал недописанную копию и отвез ее в галерею, где попытался инсценировать несчастный случай. Дописал картину кровью жертвы, чтобы объяснить ее присутствие на холсте. Положил кисть в руку мертвого художника. Но не учел, что Красильников был левшой.

"Михаил Иванович, проверьте всех коллекционеров и арт-дилеров с инициалами N.K.", – распорядилась Морозова. "Также выясните, кто в последнее время интересовался утраченными работами Репина."

"Будет сделано. А что с галереей? Там тоже могут быть соучастники."

"Завтра займемся галереей. Сегодня нужно закрепить улики отсюда." Морозова посмотрела на часы. Было уже поздно, но расследование набирало обороты. Убийца думал, что сможет замести следы, но современные криминалистические технологии позволяли восстанавливать картину преступления по мельчайшим деталям.

Соколов упаковывал образцы крови для анализа ДНК. Петрова копировала жесткий диск компьютера. Волков составлял список финансовых операций художника. Каждый делал свою работу, но все вместе они постепенно приближались к разгадке.

Выходя из мастерской, Морозова бросила последний взгляд на недописанные картины. Красильников был талантливым художником, который оказался втянут в мир подделок и мошенничества. Его талант стал причиной гибели. Но теперь этот же талант поможет найти убийцу – каждый мазок кисти, каждая деталь техники расскажут свою часть истории.

Глава 3: "Ложный Репин"

Утром второго дня расследования лаборатория Федеральной экспертной службы напоминала улей. Дмитрий Соколов склонился над микроскопом, изучая образцы краски с последней картины Красильникова. Рядом гудели приборы, анализируя пигменты и связующие вещества. Анна Морозова наблюдала за работой, понимая, что именно эта экспертиза может стать ключом к раскрытию преступления.

"Предварительные результаты готовы", – сказал Соколов, поднимая голову от микроскопа. "Картина написана современными материалами, но с использованием техники конца девятнадцатого века. Пигменты соответствуют тем, что применял Репин, но связующее вещество имеет современный состав."

Морозова нахмурилась. "То есть это подделка?"

"Скорее, стилизация. Кто-то очень профессионально имитировал технику Репина, но использовал доступные сегодня материалы. Причем работа выполнена на высочайшем уровне. Если бы не химический анализ, я бы поверил в подлинность."

К ним подошла Елена Петрова с результатами компьютерного анализа. "Дмитрий Павлович прав", – сказала она. "Сравнил цифровые снимки картины Красильникова с архивными фотографиями утраченных работ Репина. Композиция, манера письма, даже детали пейзажа точно соответствуют описанию картины 'Березовая роща у реки', которая считается утраченной с 1920-х годов."

"Значит, Красильников создавал точную копию несуществующего оригинала?" – уточнила Морозова.

"Именно так. Но качество работы поразительное. Такую копию вполне можно выдать за подлинник, если не проводить химический анализ красок."

Морозова задумалась. Картина становилась все более сложной. Красильников создавал высококачественные подделки, но кто заказывал эту работу и зачем? И главное – кто его убил?

В галерею "Арт-Центр" они приехали во второй половине дня. Татьяна Семенова, искусствовед галереи, встретила их в своем кабинете. Женщина лет сорока пяти, с тщательно уложенными волосами и в строгом деловом костюме, производила впечатление компетентного профессионала.

"Я готова помочь следствию", – сказала Семенова, усаживаясь за письменный стол. "Смерть Сергея Анатольевича – большая потеря для мира искусства."

"Расскажите о последней работе Красильникова", – попросила Морозова. "Вы ее видели?"

"Конечно. Сергей Анатольевич работал над копией утраченной картины Репина. Точнее, не копией, а реконструкцией. По сохранившимся описаниям и эскизам он пытался воссоздать то, как могла выглядеть 'Березовая роща у реки'."

Соколов и Морозова переглянулись. Семенова называла работу реконструкцией, а не подделкой.

"А насколько точной получилась эта реконструкция?" – спросил Соколов.

"Удивительно точной. У Красильникова был феноменальный талант к подражанию. Он мог скопировать манеру любого художника так, что отличить копию от оригинала было практически невозможно."

"И кто заказал эту работу?"

Семенова на мгновение замешкалась. "Я... не помню точно. Это был частный заказ. Возможно, кто-то из коллекционеров."

Морозова почувствовала фальшь в голосе искусствоведа. "Татьяна Владимировна, мы ведем расследование убийства. Любая скрытая информация может помешать поимке преступника."

"Заказ поступил через Игоря Семеновича Новикова", – наконец призналась Семенова. "Он известный коллекционер, часто обращается к нам за консультациями."

"Новиков заказывал именно копию Репина?"

"Он сказал, что хочет иметь представление о том, как выглядела утраченная картина. Для своей коллекции. Ничего предосудительного в этом нет."

Соколов достал планшет и показал Семеновой снимки картины. "Как вы оцениваете качество работы?"

Искусствовед внимательно изучила изображения. "Превосходно. Если бы я не знала, что это современная работа, поверила бы в подлинность. Красильников передал не только технику Репина, но и его особую манеру письма, характерную цветовую гамму."

"А если провести экспертизу такой работы, ее можно выдать за оригинал?" – спросила Морозова.

"Теоретически да, если экспертиза будет поверхностной. Но серьезный химический анализ красок выявит подделку."

Морозова записала ответ и задала следующий вопрос. "Как часто вы общаетесь с Новиковым?"

"Довольно регулярно. Игорь Семенович – серьезный коллекционер, хорошо разбирается в живописи. Иногда просит проконсультировать по атрибуции картин."

"А не просил ли он вас когда-нибудь подтвердить подлинность работ сомнительного происхождения?"

Семенова резко выпрямилась. "Что вы имеете в виду?"

"Прямой вопрос, прямой ответ. Вы когда-нибудь выдавали заключения о подлинности картин, зная, что они являются подделками?"

"Я... я никогда не делала ничего противозаконного!" – голос Семеновой дрожал.

Морозова поняла, что попала в болевую точку. "Татьяна Владимировна, мы можем проверить все ваши экспертные заключения за последние годы. Лучше расскажите все сейчас."

Семенова молчала несколько минут, борясь с собой. Наконец она заговорила. "Игорь Семенович действительно иногда просил... не слишком тщательно проверять происхождение картин. Говорил, что некоторые коллекционеры предпочитают не афишировать источники приобретения."

"И вы соглашались?"

"Я думала, что ничего страшного в этом нет. Картины были качественными, технически выполненными на высоком уровне. Я не подозревала о подделках."

Соколов показал ей еще один снимок. "А эту работу вы видели?"

На экране планшета была фотография картины Репина "Осенний пейзаж с березами". Семенова внимательно всмотрелась в изображение.

"Да, это одна из работ, которую недавно приобрел Новиков. Я подтверждаю ее подлинность. Превосходная работа, характерная манера Репина."

"За какую сумму была приобретена эта картина?"

"Игорь Семенович не говорил точно. Но упоминал, что заплатил около двадцати миллионов рублей."

Морозова и Соколов снова переглянулись. Сумма была внушительной даже для подлинного Репина.

"А часто ли Новиков приобретает картины таких мастеров?"

"В последнее время довольно часто. За полгода он купил несколько работ русских художников девятнадцатого века. Левитана, Шишкина, два полотна Репина."

"И все с вашим экспертным заключением?"

Семенова кивнула. "Игорь Семенович доверяет моему мнению."

Морозова встала из-за стола. "Нам понадобится список всех картин, по которым вы давали заключения для Новикова. А также копии этих заключений."

"Но это конфиденциальная информация..."

"Татьяна Владимировна, это официальное требование в рамках расследования убийства. Отказ может рассматриваться как препятствование следствию."

Семенова поняла, что выбора у нее нет, и начала собирать документы из сейфа.

Пока искусствовед готовила бумаги, к Морозовой подошел Соколов. "Анна Владимировна, картина проясняется", – тихо сказал он. "Красильников создавал высококачественные копии, Семенова подтверждала их подлинность, а Новиков продавал как оригиналы."

"Классическая схема мошенничества в сфере искусства", – согласилась Морозова. "Но что пошло не так? Почему убили Красильникова?"

"Возможно, он захотел выйти из игры или потребовал больше денег."

В это время в кабинет вошел молодой сотрудник галереи. "Татьяна Владимировна, к вам Игорь Семенович Новиков. Говорит, что договаривались о встрече."

Семенова побледнела. "Скажите, что я занята. Перенесем встречу на завтра."

Но было поздно. В дверях появился мужчина лет пятидесяти, в дорогом костюме и с уверенной осанкой успешного бизнесмена. Увидев незнакомых людей, он насторожился.

"Татьяна Владимировна, я не помешал?" – спросил Новиков, оценивающе глядя на Морозову и Соколова.

"Игорь Семенович Новиков?" – встала навстречу Морозова. "Майор Анна Морозова, ЦКР. Мы расследуем убийство художника Красильникова."

Новиков на мгновение растерялся, но быстро взял себя в руки. "Ужасная трагедия. Сергей был талантливым художником."

"Вы его знали?"

"Поверхностно. Иногда заказывал копии картин для своей коллекции. Ничего криминального."

Соколов внимательно наблюдал за реакцией Новикова. Мужчина держался уверенно, но напряжение чувствовалось.

"Какие именно копии вы заказывали?" – спросила Морозова.

"Работы классиков. Репина, Левитана, Шишкина. У меня большая коллекция, но не всегда можно приобрести оригиналы. Хорошие копии тоже имеют ценность."

"А оригиналы вы тоже покупаете?"

"Конечно. Если представляется возможность."

Морозова достала блокнот. "Не могли бы вы назвать последние приобретения оригинальных работ?"

Новиков заколебался. "Не понимаю, какое это имеет отношение к убийству."

"Мы выясняем все обстоятельства жизни жертвы. Красильников работал с произведениями искусства, вы его клиент. Возможно, преступление связано с его профессиональной деятельностью."

"Недавно я приобрел несколько работ русских мастеров", – неохотно сказал Новиков. "Точный список у меня дома."

"Среди них есть работы Репина?"

"Да. 'Осенний пейзаж с березами'. Редкая работа, мне повезло ее найти."

Соколов показал планшет. "Вот эта картина?"

Новиков кивнул. "Именно она."

"За какую сумму приобретали?"

"Это коммерческая тайна", – резко ответил Новиков. "Не вижу причин разглашать детали сделки."

Морозова почувствовала, что мужчина скрывает что-то важное. "Игорь Семенович, вы понимаете, что можем вызвать вас для официального допроса?"

"Двадцать миллионов рублей", – после паузы сказал Новиков. "Картина стоила каждого рубля."

"И где вы ее приобрели?"

"У частного коллекционера из Германии. Все документально оформлено."

Семенова сидела молча, но Морозова видела, как она нервничает. Искусствовед явно знала больше, чем говорила.

"Татьяна Владимировна подтверждала подлинность этой картины?" – спросила Морозова.

"Да. Ее экспертное заключение было одним из условий сделки."

"А насколько тщательно проводилась экспертиза?"

Новиков посмотрел на Семенову. "Татьяна Владимировна – признанный специалист. Ее заключения принимают во всех серьезных аукционных домах."

Морозова поняла, что прямых признаний от них не добьется. Нужны были веские улики. "Нам потребуется осмотреть картину", – сказала она. "Для исключения связи с расследуемым преступлением."

"У меня есть все документы о законности приобретения", – напрягся Новиков.

"Мы не сомневаемся в законности сделки", – успокоила его Морозова. "Но нужно провести экспертизу для сравнения с работами Красильникова."

Новиков колебался, но отказаться не мог. "Хорошо. Но экспертиза должна проводиться в присутствии моего представителя."

"Разумеется. Завтра утром подойдет?"

"Да, подойдет."

После ухода Новикова Семенова заметно расслабилась. Но Морозова не собиралась отпускать ее так легко.

"Татьяна Владимировна, какова настоящая схема ваших отношений с Новиковым?" – спросила она напрямую.

"Что вы имеете в виду?"

"Не играйте в игры. Красильников создавал копии, вы подтверждали их подлинность, Новиков продавал как оригиналы. Верно?"

Семенова опустила голову. "Я не знала, что он продает их как оригиналы", – тихо сказала она. "Думала, что это просто высококачественные копии для частной коллекции."

"Но подозревали?"

"Возможно. Игорь Семенович платил очень хорошо за экспертизы. Больше обычного."

"Сколько картин прошло через эту схему?"

"Около десятка за последний год. В основном работы русских мастеров девятнадцатого века."

Соколов быстро подсчитал в уме. "При средней стоимости в десять-пятнадцать миллионов за картину общий оборот составлял более ста миллионов рублей."

"Серьезные деньги", – заметила Морозова. "А что получал Красильников?"

"Не знаю точно. Но Игорь Семенович говорил, что художник недоволен оплатой. Требовал больше денег."

"Когда это было?"

"На прошлой неделе. Новиков жаловался, что Красильников стал слишком жадным."

Морозова записала информацию. Мотив преступления становился яснее. Красильников участвовал в мошеннической схеме, но потом захотел большую долю или решил выйти из игры. Кто-то из соучастников не позволил ему это сделать.

"Есть ли еще участники этой схемы?" – спросила она.

"Я знаю только Игоря Семеновича", – ответила Семенова. "Но он упоминал реставратора, который помогает состаривать картины."

"Имя?"

"Алексей... Захаров, кажется. Он работает в одной из реставрационных мастерских."

Морозова и Соколов переглянулись. Еще один участник схемы. И возможно, именно он убил Красильникова.

Выходя из галереи, Морозова чувствовала, что расследование выходит на финишную прямую. Схема мошенничества прояснилась, мотивы убийства стали понятными. Оставалось найти убийцу и доказать его вину.

"Завтра с утра займемся Захаровым", – сказала она Соколову. "А после осмотра картины у Новикова. Думаю, химическая экспертиза покажет интересные результаты."

"А если Новиков откажется предоставить картину для анализа?"

"Тогда получим судебное постановление. У нас достаточно оснований подозревать мошенничество в особо крупном размере."

Дело принимало новый оборот. Убийство художника было лишь верхушкой айсберга. Под водой скрывалась целая сеть по производству и сбыту поддельных шедевров. И кто-то из участников этой сети готов был убивать, чтобы сохранить тайну.

Глава 4: "Двойная игра"

Игорь Новиков сидел в допросной комнате Федеральной экспертной службы, внешне сохраняя спокойствие, но Анна Морозова видела, как напряжены его плечи. Коллекционер явно понимал, что попал в серьезную ситуацию. На столе перед ним лежали распечатки банковских операций, фотографии картин и экспертные заключения.

"Игорь Семенович, давайте говорить откровенно", – начала Морозова, располагаясь напротив. "Мы знаем о вашей схеме с поддельными картинами. Красильников создавал копии, Семенова подтверждала их подлинность, а вы продавали их как оригиналы. Остается выяснить только детали."

Новиков покачал головой. "Я не понимаю, о чем вы говорите. Все мои картины приобретены законно, у проверенных продавцов."

Дмитрий Соколов достал планшет и показал результаты химического анализа. "Вот заключение экспертизы картины 'Осенний пейзаж с березами', которая висит в вашей квартире. Краски современные, возраст холста не превышает пяти лет. Это высококачественная подделка работы Красильникова."

"Это невозможно", – побледнел Новиков. "У меня есть все документы о происхождении картины."

"Поддельные документы", – вмешалась Елена Петрова. "Мы проверили через Интерпол. Немецкого коллекционера Ганса Мюллера, который якобы продал вам картину, не существует. Адрес в Берлине оказался фиктивным."

Морозова внимательно наблюдала за реакцией Новикова. Мужчина явно не ожидал такой тщательной проверки. Его уверенность начинала давать трещины.

"Игорь Семенович, мы восстановили всю цепочку ваших операций", – продолжила она. "За последний год вы приобрели восемь картин русских мастеров. Общая сумма сделок составила более двухсот миллионов рублей. При этом все картины оказались подделками работы Красильникова."

"Но экспертизы..." – начал Новиков.

"Экспертизы проводила Татьяна Семенова, которая была вашим соучастником", – перебил Соколов. "Мы нашли в ее компьютере переписку с вами. Обсуждение планов, разделение доходов, список потенциальных покупателей."

Морозова открыла папку и выложила распечатки электронных писем. "Вот ваше сообщение Семеновой от 15 марта: 'Американский коллекционер готов заплатить тридцать миллионов за Левитана. Нужно ускорить работу художника'. А вот ее ответ: 'Красильников капризничает, требует повышения гонорара. Придется идти ему навстречу'."

Новиков молчал, изучая документы. Улики были неопровержимыми.

"А теперь самое интересное", – Морозова достала еще одну папку. "Ваши банковские операции. Каждый раз после продажи поддельной картины вы переводили определенную сумму на счета Семеновой и Красильникова. Причем суммы росли – видимо, ваши подельники требовали увеличения доли."

"Сколько вы заработали на этой схеме?" – спросил Соколов.

Новиков, наконец, сдался. "Около трехсот миллионов рублей", – тихо сказал он. "Но я не убивал Красильникова."

"Расскажите, как все начиналось", – попросила Морозова.

Новиков откинулся на спинку стула. "Я действительно коллекционер. Покупал картины много лет, разбираюсь в живописи. Год назад познакомился с Семеновой на одном из аукционов. Она рассказала, что знает талантливого художника, который может создавать безупречные копии классиков."

"Красильникова?"

"Да. Сначала я заказал копию для себя – хотел иметь дома репродукцию Репина, оригинал которого висит в Третьяковке. Когда увидел результат, был поражен. Красильников не просто скопировал картину – он воссоздал технику мастера, использовал аутентичные материалы. Отличить от оригинала было невозможно."

Соколов делал заметки. "И тогда у вас родилась идея мошенничества?"

"Не сразу. Семенова предложила провести эксперимент – выдать копию за утраченную работу Репина и попробовать продать ее за границей. Говорила, что там экспертиза менее строгая, а спрос на русскую живопись огромный."

"Кто был первым покупателем?"

"Частный коллекционер из Лондона. Заплатил пятнадцать миллионов рублей за 'утраченный' пейзаж Шишкина. Деньги перевел без лишних вопросов – его интересовала только подлинность, которую подтвердила Семенова."

Морозова записывала показания. "Как вы находили покупателей?"

"У меня обширные связи в мире коллекционирования. Участвовал в аукционах, знал многих дилеров и частных собирателей. Особенно хорошо шли дела с американскими коллекционерами – они готовы платить любые деньги за подлинники русских мастеров."

"А Красильников знал, что его копии продаются как оригиналы?"

Новиков замялся. "Поначалу нет. Мы говорили ему, что создаем копии для частных коллекций, ничего противозаконного. Но потом он догадался. Требовал увеличения гонорара, угрожал разоблачением."

"Когда это произошло?"

"Месяца три назад. Красильников стал подозрительным, начал задавать вопросы о конечных покупателях. Семенова пыталась его успокоить, но он становился все настойчивее."

В разговор вступила Елена Петрова. "В компьютере Красильникова мы нашли его исследования аукционных цен. Он выяснил, что его 'копии' продаются за десятки миллионов."

"Красильников требовал справедливого раздела прибыли", – продолжал Новиков. "Говорил, что без его таланта схема невозможна. Хотел получать половину от каждой продажи."

"А вы не соглашались?"

"Это было бы разорительно. Я нес основные расходы – поиск покупателей, организация сделок, оформление документов. Красильников получал миллионы за свою работу, но этого ему было мало."

Морозова почувствовала, что Новиков говорит не всю правду. "Игорь Семенович, в день убийства вы встречались с Красильниковым?"

"Нет. Я был дома весь вечер, смотрел телевизор."

"Есть свидетели?"

"Жена была в театре. Я был один."

Соколов показал распечатку телефонных звонков. "В семь вечера в день убийства вы звонили Красильникову. Разговор длился двенадцать минут. О чем говорили?"

Новиков нервно облизнул губы. "Он снова требовал денег. Угрожал обратиться в полицию, если не получит свою долю."

"И что вы ответили?"

"Сказал, что подумаю. Предложил встретиться для переговоров."

"Где?"

"В его мастерской. На следующий день."

Морозова и Соколов переглянулись. Новиков путался в показаниях.

"Но убийство произошло в тот же вечер", – заметила Морозова. "Красильников был убит в мастерской, а его тело перевезли в галерею."

"Я не убивал его!" – воскликнул Новиков. "Да, мы ссорились из-за денег, но я не способен на убийство."

В кабинет вошел оперативник Михаил Волков с папкой документов. "Анна Владимировна, есть новая информация. Мы проверили всех, кто был связан с мошеннической схемой. Нашли четвертого участника."

"Кого?"

"Алексея Захарова, реставратора. Он работал с Красильниковым, помогал состаривать картины, создавать эффект подлинности."

Новиков побледнел еще больше. "Захаров... да, он участвовал в процессе. Но я думал, что он просто выполняет техническую работу."

Волков открыл папку. "Захаров получал значительные суммы за свои услуги. По нашим данным, он единственный, кто мог быть в мастерской Красильникова в день убийства."

"Расскажите о Захарове", – потребовала Морозова.

"Профессиональный реставратор, работает в нескольких музеях. Знает все тонкости состаривания холстов и красок. Без его участия подделки не выглядели бы так убедительно."

"Как давно он с вами сотрудничает?"

"С самого начала. Семенова его рекомендовала. Говорила, что он лучший специалист по старинной живописи в Москве."

Соколов изучал документы. "У Захарова есть мотив для убийства. Если схема раскроется, он потеряет работу в музеях, репутацию, возможно, получит тюремный срок."

"А что происходило между ним и Красильниковым в последнее время?" – спросила Морозова.

Новиков задумался. "Они ссорились. Захаров считал, что Красильников слишком рискует, требуя больше денег. Говорил, что художник может всех погубить."

"Когда это было?"

"На прошлой неделе. Захаров звонил мне, жаловался на неадекватное поведение Красильникова. Предлагал найти другого художника."

Волков достал еще один документ. "Мобильные операторы подтвердили – Захаров был в районе мастерской Красильникова в день убийства. Его телефон фиксировался базовой станцией с семи до одиннадцати вечера."

"Значит, у нас есть подозреваемый", – резюмировала Морозова. "Захаров был на месте преступления в нужное время, имел мотив и возможность совершить убийство."

"Но зачем он перевозил тело в галерею?" – недоумевал Соколов.

"Чтобы отвести подозрения от себя. Мастерская Красильникова – место, где они постоянно встречались. А галерея выглядела как случайное место для убийства."

Новиков слушал разговор экспертов с нарастающим ужасом. "Вы думаете, Захаров убил Красильникова?"

"Мы проверим эту версию", – сказала Морозова. "А пока вы остаетесь под подозрением в мошенничестве в особо крупном размере."

Петрова показала результаты анализа звонков. "В день убийства между всеми участниками схемы был активный обмен звонками. Сначала Красильников звонил Семеновой, потом она – Новикову, потом Новиков – Захарову."

"О чем вы говорили с Захаровым?" – спросила Морозова.

"Рассказал о требованиях Красильникова. Захаров сказал, что нужно срочно что-то решать, иначе мы все попадем в тюрьму."

"И что он предложил?"

"Прекратить сотрудничество с художником. Найти более сговорчивого мастера."

"А если Красильников не согласится и выдаст вас всех?"

Новиков молчал, понимая, куда ведет разговор.

"Захаров сказал, что найдет способ убедить художника молчать", – наконец произнес он.
"Какими словами?"

"Дословно не помню. Что-то вроде 'я знаю, как с ним поговорить' или 'оставьте это мне'."

Соколов делал пометки. "Получается, Захаров взял на себя решение проблемы с Красильниковым. И решил ее радикально."

"Где мы можем найти Захарова?" – спросила Морозова.

"У него есть частная реставрационная мастерская на Пятницкой улице. Обычно работает там по вечерам."

Морозова посмотрела на часы. "Михаил Иванович, собирайте группу. Едем к Захарову."

"А что со мной?" – спросил Новиков.

"Вас мы пока задерживаем. Мошенничество в особо крупном размере – серьезное обвинение. Ваши показания помогут следствию, но от ответственности не избавят."

Пока оперативники готовились к выезду, Морозова обдумывала ситуацию. Схема мошенничества прояснилась – четверо участников создали отлаженную систему производства и сбыта поддельных шедевров. Красильников рисовал копии, Захаров их состаривал, Семенова подтверждала подлинность, Новиков продавал зарубежным коллекционерам.

Но художник стал требовать большую долю прибыли и угрожал разоблачением. Кто-то из соучастников решил устранить угрозу. Все улики указывали на Захарова – он был в мастерской в день убийства, имел мотив и профессиональные навыки для сокрытия следов преступления.

"Дмитрий Павлович, как вы думаете, зачем убийца дорисовал картину кровью жертвы?" – спросила она.

"Возможно, пытался создать впечатление творческого помешательства", – предположил Соколов. "Или хотел символически 'завершить' последнюю работу Красильникова."

"А может, просто пытался замаскировать кровь на холсте. Добавил еще краски, чтобы кровь не бросалась в глаза."

"Логично. Но все равно странно – зачем такие сложности? Проще было бы убрать картину или уничтожить ее."

Морозова кивнула. В действиях убийцы была какая-то иррациональность, которая не укладывалась в логику расчетливого реставратора. Но все остальные улики указывали именно на Захарова.

"Едем к нему", – решила она. "Время не ждет. Если Захаров поймет, что мы вышли на него, может скрыться."

Группа выехала к мастерской реставратора, готовясь к решающему этапу расследования. Мошенническая схема была раскрыта, участники установлены. Оставалось доказать вину убийцы и закрыть дело об убийстве талантливого художника, который стал жертвой собственной алчности и чужой жестокости.

Глава 5: "Кисть правосудия"

Реставрационная мастерская Алексея Захарова располагалась в полуподвальном помещении старого особняка на Пятницкой улице. Анна Морозова поднялась по узкой лестнице, ведущей вниз, и остановилась перед массивной деревянной дверью с табличкой "Художественная реставрация". Дмитрий Соколов и группа захвата заняли позиции по периметру здания, готовые действовать по сигналу.

Морозова нажала на звонок. Через несколько секунд дверь открыл мужчина лет пятидесяти, худощавый, с тонкими пальцами художника и внимательными серыми глазами. На нем был белый халат, испачканный красками разных цветов.

"Алексей Николаевич Захаров?" – представилась Морозова, показывая удостоверение. "Майор Анна Морозова, ЦКР. Нам нужно поговорить."

Захаров на мгновение замер, но быстро взял себя в руки. "Конечно, проходите. Хотя не понимаю, что вам может понадобиться от меня."

Мастерская поражала своей атмосферой. Высокие потолки, большие окна, выходящие во внутренний двор, десятки картин на разных стадиях реставрации. Пахло скипидаром, лаком и чем-то еще – запахом времени, которое пропитало старые холсты. На рабочем столе лежали инструменты реставратора: скальпели, кисти разных размеров, пипетки с растворителями.

"Красивое место для работы", – заметила Морозова, осматриваясь. "Вы давно занимаетесь реставрацией?"

"Двадцать пять лет", – ответил Захаров, снимая халат. "Окончил Строгановку, специализировался на живописи восемнадцатого-девятнадцатого веков. Работал в Третьяковке, потом открыл частную практику."

Соколов вошел в мастерскую и сразу направился к картинам. "Впечатляющая коллекция. Все это ваши работы?"

"Реставрация", – поправил Захаров. "Я возвращаю к жизни то, что время пыталось разрушить."

Морозова подошла к рабочему столу и внимательно изучила инструменты. "Алексей Николаевич, вы знали Сергея Красильникова?"

Захаров напрягся. "Слышал о нем. Талантливый художник. Ужасная трагедия."

"Просто слышали? А мы думали, что вы сотрудничали с ним."

"Возможно, пересекались на профессиональной почве. В нашем мире все друг друга знают."

Соколов тем временем фотографировал картины и инструменты. "Дмитрий Павлович, что интересного?" – спросила Морозова.

"Здесь есть работы, выполненные в манере разных мастеров", – сказал криминалист. "Очень качественные стилизации. И что характерно – все они выглядят старше, чем есть на самом деле."

Захаров побледнел. "Это реставрационные работы. Иногда приходится дописывать утраченные фрагменты в стиле оригинального автора."

В мастерскую вошел Михаил Волков с папкой документов. "Анна Владимировна, у нас есть результаты финансовой проверки. За последний год на счет Захарова поступило более десяти миллионов рублей от различных физических лиц."

"Это оплата за реставрационные работы", – быстро сказал Захаров.

"Очень дорогие работы", – заметила Морозова. "Особенно учитывая, что некоторые переводы поступали от Игоря Новикова."

Захаров понял, что его раскрыли. Плечи его поникли, а в глазах появилось выражение обреченности.

"Алексей Николаевич, мы знаем о вашем участии в схеме производства поддельных картин", – сказала Морозова. "Красильников создавал копии, вы их состаривали, Семенова подтверждала подлинность, Новиков продавал. Но что-то пошло не так."

Захаров молчал, изучая пол мастерской.

Соколов достал планшет и показал результаты экспертиз. "У нас есть образцы ДНК с места преступления в мастерской Красильникова. Ваша кровь была на дверном косяке. Также мы обнаружили волокна вашей одежды на одежде жертвы."

"И самое главное", – добавила Морозова, – "мы восстановили вашу переписку с другими участниками схемы. В день убийства вы писали Новикову: 'Красильников стал неуправляемым. Нужно принимать меры'."

Захаров, наконец, поднял голову. "Вы не понимаете", – тихо сказал он. "Он хотел все разрушить. Требовал неразумных денег, угрожал разоблачением. Мы все бы попали в тюрьму."

"Расскажите, что произошло в тот вечер", – попросила Морозова.

Захаров прошел к окну и долго смотрел во двор. "Красильников вызвал меня в свою мастерскую. Сказал, что больше не будет участвовать в схеме. Требовал половину от всех прибылей, угрожал обратиться в полицию, если мы не согласимся."

"И вы пытались его переубедить?"

"Я объяснял ему, что это невозможно. Такие суммы разорят нас всех. Но он не слушал. Кричал, что его используют, что он заслуживает справедливой доли."

Соколов записывал показания. "А потом началась драка?"

"Красильников был в ярости. Начал собирать свои картины, говорил, что заберет все работы и продаст их сам. Я попытался его остановить – схватил за руку. Он оттолкнул меня, я упал, поранил руку о разбитую палитру."

Морозова видела, как Захаров переживает события той ночи. "И тогда вы схватили тяжелый предмет?"

"Мастихин", – прошептал Захаров. "Большой, металлический. Красильников повернулся ко мне спиной, наклонился над картиной. Я не хотел его убивать. Просто хотел оглушить, заставить выслушать."

"Но удар оказался смертельным."

"Он упал и больше не вставал. Я понял, что натворил, и запаниковал. Нужно было что-то придумать, замести следы."

Волков уточнил детали. "И тогда вы решили перевезти тело в галерею?"

"Я подумал, что если Красильников погибнет в галерее, подозрения не падут на участников схемы. Погрузил тело в машину, отвез в 'Арт-Центр'. У меня были ключи – Семенова когда-то дала дубликат для экстренных случаев."

Соколов понял логику преступника. "А зачем дорисовывали картину кровью жертвы?"

Захаров горько усмехнулся. "Профессиональная привычка. Увидел недописанную работу и машинально взял кисть. Хотел создать впечатление, что художник работал до последнего момента. Подумал, что это поможет представить смерть как несчастный случай."

"Но использовали кровь вместо краски."

"На палитре не было нужного оттенка красного. А кровь была под рукой." Захаров содрогнулся от собственных слов. "Это было кошмарно. Но я уже не мог думать нормально."

Морозова задала главный вопрос. "Почему вложили кисть в правую руку? Знали же, что Красильников – левша."

"Не знал", – признался Захаров. "Мы встречались редко, в основном общались через Новикова и Семенову. Я работал с его картинами, но не наблюдал, как он пишет."

Соколов продолжил допрос. "А как объясните, что орудие убийства так и не нашли?"

"Выбросил мастихин в реку по дороге в галерею. Думал, что так будет безопаснее."

Морозова понимала, что получила полную картину преступления. "Алексей Николаевич, понимаете ли вы, что убили талантливого человека ради денег?"

Захаров опустил голову. "Понимаю. Каждый день думаю об этом. Красильников был гением. Его копии были совершенны, неотличимы от оригиналов. Он мог бы стать великим художником, если бы не жадность. Не его, а наша."

"Жадность погубила всех", – заметила Морозова. "И его, и вас."

В мастерскую вошли оперативники с наручниками. Захаров не сопротивлялся – казалось, он даже испытал облегчение от того, что правда наконец вышла наружу.

"Есть что добавить к показаниям?" – спросила Морозова.

"Последнюю картину не трогайте", – попросил Захаров, кивая на мольберт в углу. "Это не подделка. Я работал над ней для себя. Хотел вернуться к честному искусству после всей этой грязи."

Соколов подошел к мольберту и осмотрел картину. "Автопортрет", – сказал он. "Очень печальный автопортрет."

Пока Захарова уводили, Морозова еще раз осмотрела мастерскую. Здесь создавались шедевры и подделки, восстанавливались утраченные произведения и рождались новые обманы. Граница между искусством и мошенничеством оказалась тоньше, чем она думала.

"Анна Владимировна, дело можно считать закрытым?" – спросил Волков.

"Да. У нас есть признание, улики, мотив. Захаров получит срок за убийство, остальные участники схемы – за мошенничество в особо крупном размере."

Выходя из мастерской, Морозова думала об иронии судьбы. Красильников хотел честных денег за свой талант, но получил смерть. Захаров хотел скрыть преступление, но выдал себя профессиональными привычками. Новиков и Семенова хотели легких денег, но получили уголовные дела.

В машине Соколов подвел итоги расследования. "Схема была отлажена идеально. Каждый выполнял свою роль, деньги текли рекой. Но человеческий фактор все разрушил."

"Жадность", – кратко резюмировала Морозова. "Красильников захотел больше денег, Захаров не захотел терять доходы. В результате один погиб, второй сядет в тюрьму."

"А картины останутся. Подделки Красильникова настолько качественны, что их можно считать произведениями искусства."

Морозова кивнула. "Особенно та, что дописана его кровью. Она действительно уникальна, хотя и по ужасным причинам."

На следующий день в здании ЦКР проходил разбор дела. Команда собралась в конференц-зале, чтобы обсудить результаты расследования и извлечь уроки для будущих дел.

"Мошенническая схема действовала почти год", – докладывала Елена Петрова. "Общий ущерб составил более трехсот миллионов рублей. Пострадали коллекционеры из Америки, Европы и Азии."

"Подделки найдены?" – спросил Соколов.

"Часть удалось изъять, но многие уже проданы и находятся в частных коллекциях за рубежом. Через Интерпол уведомляем покупателей, но вернуть деньги будет сложно."

Волков дополнил доклад финансовой информацией. "Красильников получил около пяти миллионов за свою работу. Захаров – десять миллионов. Семенова – три миллиона. Основную прибыль забирал Новиков."

"Справедливое распределение по вкладу в преступную деятельность", – иронично заметила Морозова. "Новиков организовал схему и нашел покупателей, поэтому получал львиную долю."

Соколов поднял вопрос о судьбе картин. "Что будет с произведениями Красильникова? Формально это подделки, но художественная ценность у них есть."

"Суд решит", – ответила Морозова. "Возможно, их передадут в музеи как образцы высококачественных копий. Или продадут на аукционе с указанием истинного авторства."

Петрова показала фотографию последней картины художника. "А эту работу предлагаю оставить в архиве ЦКР. Как напоминание о том, к чему приводит смещение искусства и преступности."

Все согласились. Картина, дописанная кровью убитого художника, стала бы уникальным экспонатом криминалистического музея.

"Есть еще один урок", – сказала Морозова в заключение. "Современные технологии позволяют создавать подделки исключительного качества. Но те же технологии помогают их раскрывать. Химический анализ красок, изучение мазков, цифровая экспертиза – все это дает нам преимущество над преступниками."

Соколов добавил философское замечание. "Красильников обладал настоящим талантом. Если бы направил его в честное русло, мог бы стать знаменитым художником. Но выбрал легкий путь подделок."

"И этот выбор его погубил", – согласилась Морозова. "В прямом смысле."

Дело "Последний мазок" было закрыто, но оно еще долго обсуждалось в экспертных кругах. История талантливого художника, который создавал гениальные подделки и погиб от жадности соучастников, стала хрестоматийным примером того, как искусство может служить преступности.

Захаров получил пятнадцать лет за убийство. Новиков – десять лет за мошенничество в особо крупном размере. Семенова – пять лет условно в обмен на сотрудничество со следствием. Справедливость восторжествовала, но цена была слишком высокой – жизнь талантливого человека.

Картина "Березовая роща у реки", дописанная кровью Красильникова, заняла почетное место в музее криминалистики. Посетители с содроганием рассматривали мазки, сделанные не краской, а кровью убитого художника. Это было последнее произведение Сергея Красильникова – трагическое и уникальное.

Анна Морозова иногда приходила к этой картине, размышляя о тонкой грани между искусством и преступлением, между талантом и жадностью, между творчеством и разрушением. Каждый мазок кисти рассказывал свою историю, но история Красильникова оказалась самой печальной – история художника, чей последний мазок был сделан не его рукой, а рукой убийцы.

Исчезнувший миллионер

Глава 1: "Пустой кабинет"

Светлана Федорова нервно теребила ремешок дорогой сумочки, сидя в приемной Центра криминалистических исследований. Женщина лет сорока, безупречно одетая и ухоженная, но сейчас ее обычная уверенность сменилась тревогой. Каждые несколько секунд она поглядывала на часы и доставала телефон, словно ожидая звонка, который так и не поступал.

"Светлана Владимировна?" – в приемную вошел следователь Дмитрий Орлов, мужчина лет тридцати пяти, с проницательным взглядом и спокойными манерами. "Я веду ваше дело. Расскажите, что произошло."

Федорова выпрямилась и заговорила быстро, словно боялась, что ее не выслушают. "Мой муж Владимир исчез. Вчера утром он ушел на работу как обычно, сказал, что у него важная встреча с инвесторами в два часа дня. Но на встречу не пришел. Секретарь звонила ему весь день – телефон недоступен."

Орлов делал заметки в блокноте. "Когда вы в последний раз говорили с мужем?"

"Вчера утром за завтраком. Володя был немного напряжен, но я подумала, что из-за важных переговоров. Он строил большие планы – хотел расширить бизнес, выйти на международный рынок." Голос женщины дрожал. "Такого никогда не было. Владимир очень ответственный, пунктуальный. Если он не может прийти на встречу, обязательно предупреждает."

"Какой у него бизнес?"

"Строительная компания 'Федоров и партнеры'. Работают в основном с коммерческой недвижимостью. У Владимира репутация надежного партнера, за пятнадцать лет ни одного серьезного скандала."

Орлов записал название компании. "Где находится его офис?"

"В Москва-Сити, башня 'Федерация'. Он арендует целый этаж для компании."

"Хорошо. Поедем, посмотрим рабочее место вашего мужа. Возможно, там найдутся какие-то зацепки."

Через час Орлов вместе с экспертом ЦКР Павлом Ивановым поднимались на лифте на тридцать второй этаж башни 'Федерация'. Иванов, специалист по трасологии и техническим экспертизам, внимательно изучал планировку здания по пути к офису.

"Дмитрий Сергеевич, нужно проверить систему видеонаблюдения здания", – сказал он. "Если Федоров действительно приходил сюда вчера, камеры это зафиксировали."

"Уже договорился с администрацией. После осмотра кабинета займемся записями."

Офис компании 'Федоров и партнеры' производил впечатление успешного бизнеса. Современная мебель, панорамные окна с видом на Москву, дорогое оборудование. Секретарь, женщина лет пятидесяти, встретила их в приемной.

"Марина Андреевна Козлова", – представилась она. "Я работаю помощником Владимира Евгеньевича уже семь лет. Очень переживаю – такого никогда не было."

Орлов показал удостоверение. "Мы ведем розыск вашего руководителя. Нужно осмотреть его кабинет."

"Конечно. Я вчера уже заходила туда, думала, может быть, он оставил какие-то записи о том, куда направился. Но ничего не нашла."

Кабинет Федорова располагался в углу здания и имел два больших окна. Рабочий стол из натурального дерева, кожаное кресло, книжные шкафы с папками документов и несколькими десятками книг по экономике и менеджменту. В углу стоял массивный сейф.

Павел Иванов сразу обратил внимание на детали. "Дмитрий Сергеевич, посмотрите на стол. Все лежит аккуратно, но есть странности."

Орлов подошел ближе. На столе лежали обычные офисные принадлежности: компьютер, телефон, настольная лампа, несколько папок. Но Иванов указал на лист бумаги, наполовину заполненный рукописным текстом.

"Недописанное письмо", – сказал эксперт, доставая увеличительную лупу. "Почерк определенно мужской, уверенный. Но письмо прервано на полуслове."

Орлов наклонился над листом. Текст был написан синей ручкой аккуратным почерком: "Светлана, если ты читаешь это письмо, значит, со мной случилось что-то серьезное. Я не хотел тебя пугать, но последние месяцы..."

"Дальше ничего нет", – констатировал Иванов. "Человек писал и внезапно остановился. Либо его прервали, либо он передумал и решил не продолжать."

"Марина Андреевна", – обратился Орлов к секретарю, – "вы видели это письмо вчера?"

"Нет", – покачала головой Козлова. "На столе лежали только обычные документы. Это письмо я не видела."

Иванов тем временем обратил внимание на сейф в углу кабинета. Массивный металлический шкаф с электронным замком был приоткрыт.

"Странно", – пробормотал он. "Дверца сейфа не закрыта полностью. Обычно такие модели автоматически блокируются при закрытии."

Орлов подошел к сейфу и осторожно открыл дверцу. Внутри были пустые полки.

"Марина Андреевна, что обычно хранилось в сейфе?"

Козлова задумалась. "Владимир Евгеньевич держал там самые важные документы. Договоры на крупные суммы, банковские документы, иногда наличные для экстренных расчетов. Точно не знаю – сейф всегда был заперт."

Иванов достал фонарик и внимательно осмотрел внутреннюю поверхность сейфа. "Здесь определенно что-то лежало. Видны следы от папок, прямоугольные отпечатки на полках. Пыль лежит неравномерно."

"Значит, сейф опустошили недавно", – сделал вывод Орлов. "Либо сам Федоров перед исчезновением, либо кто-то другой."

К ним подошла Козлова. "Я могу сказать точно – позавчера, когда приносила Владимиру Евгеньевичу документы на подпись, сейф был закрыт. Он всегда очень тщательно следил за этим."

Иванов продолжил осмотр кабинета, обращая внимание на мельчайшие детали. "На ковре около сейфа есть небольшие вмятины. Видимо, здесь стояла тяжелая сумка или чемодан."

"Кто-то вывозил содержимое сейфа", – предположил Орлов.

"Или Федоров сам все забрал", – добавил Иванов. "Нужно проверить записи камер видеонаблюдения за последние два дня."

Орлов обратился к секретарю с новыми вопросами. "Марина Андреевна, как вел себя Владимир Евгеньевич в последние дни? Было ли что-то необычное в его поведении?"

Козлова задумалась. "Последние недели он стал более замкнутым. Меньше рассказывал о планах, часто задерживался после работы. Несколько раз я видела, как он разговаривает по телефону очень тихо, почти шепотом. Когда я входила в кабинет, он быстро заканчивал разговор."

"А в плане работы? Были ли какие-то проблемы с проектами, финансами?"

"Наоборот, дела шли хорошо. На прошлой неделе мы подписали крупный контракт на строительство торгового центра. Владимир Евгеньевич говорил, что это открывает новые перспективы."

Иванов закончил фотографирование кабинета и подошел к компьютеру Федорова. "Дмитрий Сергеевич, нужно изъять жесткий диск для анализа. Возможно, в электронной переписке или документах найдем что-то важное."

"Конечно", – согласился Орлов. "Марина Андреевна, нам понадобится помощь системного администратора. Есть ли в компании IT-специалист?"

"Да, Игорь Степанов. Он обслуживает всю нашу компьютерную сеть. Сейчас его вызову."

Пока ждали системного администратора, Орлов продолжил опрос секретаря. "Кто еще имел доступ в кабинет Владимира Евгеньевича?"

"Я и уборщица. Еще ключи есть у его заместителя Петра Сергеевича Волкова, но он сейчас в командировке в Санкт-Петербурге."

"А у жены?"

"У Светланы Владимировны есть ключи от офиса, но она редко сюда приходит. В основном только на корпоративные мероприятия."

Через несколько минут появился системный администратор – молодой человек лет двадцати пяти, в джинсах и футболке с логотипом IT-компании.

"Игорь Степанов", – представился он. "Что случилось с Владимиром Евгеньевичем? Марина Андреевна сказала, что он пропал."

Орлов коротко объяснил ситуацию. "Нам нужно скопировать данные с его компьютера. Вы можете помочь?"

"Конечно. Но у Владимира Евгеньевича всегда был пароль на входе в систему. Без него доступ получить сложно."

Иванов достал специальное устройство. "У нас есть оборудование для таких случаев. Главное – не повредить данные."

Пока эксперт работал с компьютером, Орлов изучал документы на столе. Большинство из них касались текущих проектов компании, но один документ привлек его внимание.

"Банковская справка о движении средств по корпоративному счету", – сказал он вслух. "Марина Андреевна, эти данные актуальные?"

Козлова посмотрела на бумаги. "Да, Владимир Евгеньевич запрашивал такие справки каждую неделю. Он всегда тщательно контролировал финансы."

Орлов внимательно изучил цифры. За последний месяц со счета компании было снято несколько крупных сумм, каждая под названием "прочие расходы".

"Странно", – пробормотал следователь. "Здесь указаны расходы на общую сумму более пяти миллионов рублей. На что могли потратить такие деньги?"

"Не знаю", – честно ответила Козлова. "Владимир Евгеньевич не всегда посвящал меня в финансовые операции. Говорил, что это конфиденциальная информация."

Иванов закончил копирование данных с компьютера. "Дмитрий Сергеевич, файлы скопированы. Но я заметил кое-что интересное – в системе есть следы удаления большого количества документов. Причем удаление произошло позавчера вечером."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.